Инжель Аблялим

Временной порядок

Причина порядка?

Инжель Аблялим

Временной порядок

«Автор»
2026

Аблялим И.

Временной порядок / И. Аблялим — «Автор», 2026

Временной порядок - антиутопия о мире, где время сломалось. После катастрофы, которую официально называют Квантовым Коллапсом, прошлое перестало быть закрытым: любой человек может «провалиться» туда и вернуться другим - или не вернуться вовсе. Чтобы удержать людей в настоящем, каждому при рождении вживляют УВП - Устройство Временного Порядка.В народе его называют «упырём»: он говорит, когда вставать, когда есть, когда молчать, и бьёт током, если ты «не в порядке».

© Аблялим И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Инжель Аблялим
Временной порядок

Глава 1

До чего же я люблю этот смех. А её волосы так красиво развеваются на ветру. Я бегу за ней по воде, она плещет в меня, а я смеюсь. Всё кажется таким радостным, счастливым. Я счастлив.

Но вот опять этот взрыв. Он рушит всё. Все вокруг трескается, и она снова летит вниз. Я выкрикиваю её имя, хотя не могу его разобрать. Как будто рот набит песком. Я тяну к ней руки, но не могу поймать.

Где-то сбоку пищит противный, долгий, протяжный звук, который я знаю наизусть. Сейчас, после писка, он начнёт говорить время. А затем, если я не встану, упырь ударит меня током.

Упырь — это мы так называем Устройство Временного Порядка. УВП. Его внедряют нам на плечо при самом рождении. У каждого он есть. У каждого он говорит, когда вставать, когда есть, когда молчать. И у каждого он даёт сбои. Поэтому, не желая получить разряд в руку, я открыл глаза и, немного задержав взгляд на своём сером унылом потолке с трещиной, снял с себя одеяло и перешел в положение сидя.

— Класс. Ещё целая минута до электрошока.

Я приподнял рукав футболки, чтобы настроить свою увэпэшку, как делаю каждое утро. Пальцы привычно находят кнопку на плече, вросшую в кожу, и я начал привычный порядок нажатий иконок на экранчике.

«Питание — подъём завершён — сбои не обнаружены — порядок налажен — отключить».

Как бы я хотел лечь обратно. Чтобы никакие будильники, никакие бодрящие удары меня не будили. Но у меня нет такой привилегии. Как и у всех остальных в нашем мире.

Я натянул на ноги свои любимые разноцветные тапочки, сшитые мамой. Единственное цветное, что у меня есть. На часах 6:40. В квартире уже пахнет завтраком: то ли яичница с беконом, то ли жареная картошка — не разобрать. Но первым делом я зашел в ванную, соседнюю с моей комнатой.

Ванная, как и вся наша квартира, выдержана в серо-белых оттенках. Одно яркое пятно здесь — это моё отражение. Золотисто-русые волосы так и просятся быть ярким пятном в этой серой массе.

Умывшись и опустошив мочевой пузырь, я иду на зов желудка — на кухню, где уже вовсю играет музыка из утреннего телешоу, которое мама смотрит каждое утро.

— Привет, мам!

Я подхожу к столу, уже полностью заставленному.

— Куда нам столько? Нас же всего двое.

Я спрашиваю это каждое утро, не переставая удивляться, как мама всё успевает. Тут и яичница с беконом, и картошка, как я и думал, и желе с фруктами, и кофе, и чай, и разные конфеты.

— Доброе утро, Флори! — просияла мама, домывая посуду. — Но ведь тут нет ничего особенного. Твоя любимая картошка да пара сладостей.

Она пожала плечами, вытерла руки полотенцем, подошла ко мне и, приобняв, поцеловала в лоб.

— Присаживайся.

Она указала рукой, и я, как послушный сын, сел.

— Ты уже просмотрел своё расписание на сегодня? — спросила она, разливая чай по разным чашкам.

— Ещё нет. Оно на холодильнике?

Я отрезал кусочек от яичницы.

— Как всегда, сладкий.

Она протянула мне кружку. Та была такой горячей, что я чуть не выронил её из руки.

— Осторожно, Флори.

Я кивнул и поставил чай возле себя.

— Сегодня день навещания, — сказала мама, опустив глаза к себе в чашку. Её голос слегка погрустнел, как обычно бывает, когда речь заходила об отце.

— Уже? — лишь спросил я. — Казалось, мы были у него недавно.

Это «недавно» было месяц назад. Благодаря фамилии отца, который имел прямое отношение к нашим упырям на плече, наша семья, ну, сейчас только я с мамой, имела некоторые привилегии. Например, разрешение навещать родственников, которые попали в СМН, Сектор Межвременно Нестабильных, раз в месяц, а не как у остальных, раз в полгода.

Из других привилегий было то, что у нас дома нет камер. Ни одной. Только та, что стояла за входной дверью, чтобы отслеживать, когда мы покидаем квартиру и возвращаемся домой. Ну хоть на этом спасибо.

В уставе правил, который висел на главной площади, камеры объяснялись тем, что главным нужно отслеживать, если вдруг у кого сломался упырь и он попал в прошлое. Но для меня это бред. Ведь наши устройства и так передают сигналы в главную палату, если произошёл сбой. Так зачем им ещё и видеть это на камере? Я просто этого не понимаю.

— Совсем забыла сказать, — мама стукнула себя по лбу. — Твой психотерапевт попросил тебя прийти на час позже.

— Почему это?

— У неё перенёсся первый клиент.

— Впервые у неё такое. — сказал я, доедая бекон.

— У каждого могут быть сбои.

Мама посмотрела на меня с явным намёком.

— В нашем мире так точно. — улыбнулся я и дёрнул плечом с увэпэшкой. — Значит, я опоздаю на навещание?

— Всего на пятнадцать минут. Как раз этого времени может хватить, чтобы твой отец немного пришёл в себя.

— Понятно, — промямлил я, забивая рот фруктовым желе.

Психотерапевты были одним из обязательств для тех несовершеннолетних, чьи близкие попали в СМН. Я — один из них. Мой отец, разработчик УВП нового поколения, был, как это сказать, психологически болен. Его упырь дал сбой, и он потерял какую-либо связь с реальностью.

Таких, как он, называют сбоями. Или лицами с межвременной нестабильностью. Это означает, что он видит два времени одновременно — и из-за этого у него едет крыша.

— Что будешь обсуждать сегодня на сеансе с мисс Джиорджиной? — Мама намазывала джем на хлеб. Брусничный, любимый отца. Она всегда так делает, когда нервничает или её ждёт встреча с ним.

— Как обычно, — хмыкнул я.

— Тебе всё ещё снится один и тот же сон? — спросила мама, накладывая уже четвёртую ложку джема.

— Ага. Мисс Джиорджина говорит, чтобы я досмотрел сон до конца. Но он всегда обрывается на одном и том же месте, и я просыпаюсь.

— Может, он тогда не очень-то и важен. Просто твоему мозгу он нравится.

— Может быть, и так.

Я увидел, как мамина рука потянулась к банке с джемом, захватывая уже седьмую ложку, и не сдержался:

— Что-то случилось с отцом?

Мама дёрнулась. Её рука с ложкой замерла над банкой.

Но она сделала вид, что всё в порядке, и спросила:

— С чего ты так решил?

— Ты накладываешь уже седьмую ложку джема.

— Мне он просто нравится...

— Мам. — Я отложил вилку. — Я знаю, что ты его ешь в день встречи с отцом. Но не семь ложек же.

Мама посмотрела на банку. На ложку. На хлеб, который уже не помещался у неё в руке от джема. И вдруг её плечи опустились.

— Его хотят перевести в другой сектор, — сказала она тихо. — В третью палату.

Я знал, что это значит. Третья палата — общая палата для тех, кто «не в порядке» окончательно. Для тех, кто больше не очнётся. Отец до этого всегда был в одиночной, под постоянным присмотром. Но если его переведут в общую, шанс на выздоровление ему не светит.

— Когда? — спросил я.

— После главной проверки.

Значит, послезавтра подумал я.

— Но если его переведут в другую палату, то тогда и мы...

— Нет-нет, — за меня закончила мама. — Сэр Сайлас обещал мне, что у нас с тобой всё останется как прежде. И камеры нам не поставят, и привилегий не решат, потому что...

Тут уже я закончил за неё:

— Каждый должен помнить своё место, чтобы был порядок.

— Именно.

Мама отложила хлеб на стол и поправила серый воротник на платье. Вдруг спросила:

— У тебя сегодня последний день Умаливания в Пицце?

Ох уж эти аббревиатуры. Весь город только ими и завешан. ПИЦ — Президентский Исправительный Центр, куда я уже хожу месяц с моего исключения из школы.

— Ага. Завтра могу уже вернуться в школу.

— Ты мне совершенно ничего оттуда не рассказываешь. Почему?

— Да там нет ничего такого особенного, — отмахнулся я.

«Кроме унижений и пыток», — мысленно добавил я, отпивая чай.

Тут на стене нашей кухни зазвонили часы, объявляя время 7:00.

— Так скоро, — мама чуть ли не подпрыгнула. — Мне пора бежать.

Она встала со стула, уронив ложку на пол.

— Я подниму, — кивнул я ей.

Она впопыхах развернулась, схватила свою сумку, которая висела на спинке стула, подбежала ко мне и поцеловала в макушку.

— Увидимся у отца, — сказала она и выбежала из кухни.

Несмотря на то, что мы получаем папину зарплату и разные компенсации от старших, мама всё равно любит ходить на работу. Она работает костюмером на том самом телевизионном шоу. Создаёт, так сказать, красочность и настроение в домах города.

Хлопнула входная дверь, а я спокойно остался сидеть на своём стуле, доедая завтрак. Сессия перенеслась, а значит, мне можно посидеть дома на полчаса больше.

Я потянулся к пульту и сделал телевизор погромче. На экране продолжило играть утреннее шоу, где плясали и пели люди в разноцветных пёстрых костюмах.

— Мда. Всю краску города засунули в телевизор.

Я встал, начиная убирать со стола и складывая посуду в посудомойку. И тут увэпэшка на плече пискнула.

— «Риск сбоя сегодня 38%. Будьте осторожнее».

— Да-да. А когда не были?

Я полностью загрузил и запустил машинку, поднял ложку с пола и разложил еду в холодильник. Кастрюля с картошкой, тарелка с беконом, банка с джемом. Джем я поставил на верхнюю полку, подальше, чтобы мама его не видела.

Потом я подошёл к холодильнику и посмотрел на расписание. Каждый день мы получали его под дверь. Мама клеила его на холодильник магнитом в форме солнца.

«Терапевт — 8:30. Посещение — 9:00. ПИЦ — 12:00–16:00. Ежедневный осмотр — 18:00».

Я водил пальцем по строчкам. Кроме терапевта и посещения…

— Ничего нового, — выдохнул я.

Я прошёл в свою комнату и, открыв шкаф, достал свой рюкзак. Тёмно-фиолетовый — он выделялся среди бело-серо-чёрной одежды, как чужой. Вытащив рюкзак, я принялся закидывать в него ручку с блокнотом, который мне посоветовала завести мисс Джиорджина, чтобы выполнять её задания на дом.

Я открыл блокнот. Вверху первой страницы были написаны два вопроса, которые я записал на первой сессии, но так и не ответил на них.

«Почему мне снится этот сон? Почему я пытаюсь спасти ту девушку из сна?»

Терапевт попросила не исписывать эту страницу, пока я не найду ответы. Поэтому, перелистнув ещё несколько страниц, я остановился на тех, что были заданы на сегодня.

«Какой бы я хотел увидеть конец моего сна?»

«Что привело к спасению девушки во сне?»

Мне дали эти вопросы позавчера, а я так и не решил, как бы я хотел на них ответить. Поэтому, сняв колпачок с ручки, я написал один ответ на два вопроса: «Что-то хорошее». И бросил всё в рюкзак.

Будь сегодня обычное расписание, я бы быстро накинул на себя брюки и футболку и побежал на сеанс. Но сегодня вместо этого я кинул рюкзак на пол и прыгнул обратно на кровать.

Достал из прикроватной тумбочки свой комикс новенький, блестящиц, и принялся рассматривать картинки про моего любимого космокота.

Этот комикс мне подарил Эвандер, медик, к которому я хожу на ежедневный осмотр. Он часто достаёт мне разные выпуски раньше, чем они выходят в местных магазинах. Как он их достаёт — я не знаю. Но мы с ним договорились: я не задаю вопросы, и мы живём в мире и согласии.

Дочитав до момента, где космокот сражается со своим отцом на луне, я отложил комикс обратно в тумбочку, увидев, что на часах уже 7:26, я подошёл к стулу, на котором висела моя вчерашняя одежда, и начал переодеваться.

Белая футболка, несмотря на то что я надевал её уже пять раз на этой неделе, да, я лентяй и не люблю менять футболки, всё равно оставалась белой. И чёрные джинсы, которые, в отличие от футболки, я сегодня надеваю второй раз.

Я натянул их, застегнул ремень, взял расчёску, которая лежала на столе, и быстро расчесал волосы, не смотрясь в зеркало. А какая разница, как они выглядят, если им уже ничего не поможет? Им всё равно нравится жить свою жизнь.

Схватив рюкзак, я побрёл к выходу. Увэпэшка на плече пискнула:

— «Сессия у терапевта через 30 минут. Не опаздывайте».

— Да иду я, иду, — пробормотал я, залезая в свои кеды.

Выйдя за дверь, я запер её на ключ и, развернувшись, встретился с камерой лицом к лицу.

— Как же ты меня достала, — простонал я и показал ей средний палец.

Не опуская его, я побрёл по коридору, где напротив каждой квартиры стояла камера.

А что они мне сделают за это? Ничего. По закону они не могут наказать меня в период, когда я и так наказан. И продлить его они тоже не могут, потому что я несовершеннолетний. Значит, до завтрашнего дня я могу делать всё, что душе вздумается, и быть не наказанным.

Ну, ладно. Не всё.

Пройдя коридор из шести дверей, я наконец оказался на улице, где уже никто, как и я, не спал. Машины ездили, загрязняя всё своими газами. Сбоку от нашего дома шла стройка, открывался какой-то новый магазин.

Я подошёл к стеклянным окнам и посмотрел внутрь.

— Очередной магазин серой одежды, — сказал я.

— Эй, чего вылупился? — сказал мне один из рабочих. — Проваливай отсюда.

Я повернулся к нему. На нём была белая каска и серо-зелёный костюм, перепачканный бетонной пылью. На руках рабочие перчатки.

— Ну чего же так грубо? Может, я потенциальный клиент? Я ооочень люблю носить всё серое.

Рабочий смерил меня взглядом.

— Как и все остальные тут, — сказал он.

Он указал большим пальцем на дорогу, по которой ходили люди.

— Так что давай проваливай отсюда, — он притворно улыбнулся. — Пожалуйста.

— Видите, не так уж и сложно быть вежливым, — пожал плечами я.

Я шагнул мимо него. От него пахло потом, бетоном и чем-то ещё, кислым. И в этот момент мои пальцы скользнули в карман его куртки. Я нащупал что-то холодное, металлическое, видимо, отвёртку, и вытащил её.

Зачем она мне? Да не зачем. Просто люблю всякую мелочь.

Я отошёл на пару шагов, прежде чем он начал шарить по карманам. Сначала медленно, потом быстрее, а когда он понял, что то что он ищет нет у него в карманах, он крикнул :

— Эй, ты, наглец! Ты шарил у меня по карманам?

Я обернулся и покрутил отвёрткой в воздухе. Рабочий моментально всё понял и начал злиться. Нисколько не думая, он сделал выпад в сторону, намереваясь побежать за мной. Но я-то быстрее. Поэтому, развернувшись, я рванул вперёд. Слыша, как кто-то останавливает рабочего от погони:

— Сдался он тебе.

Я развернулся и, чуть сбавив темп, поднял отвёртку так, что она стала моим средним пальцем. Рабочий от этого побагровел, но его всё так же останавливали.

Так что я, воспользовавшись моментом, продолжал дразнить его, всё так же идя спиной назад с вытянутой отвёрткой вверх, пока не споткнулся об кого-то и не упал.

— Ауч.

Я приземлился на землю, прямо на задницу. Повернувшись, я понял, что это я упал из-за взрослого мужчина, который сейчас так же, как и я, валялся на земле.

— Вы не ушиблись? — спросил я, поднимаясь и протягивая руку.

Но тот её не принимал. Он вообще не обращал на меня никакого внимания.

— Сэр, вы меня слышите?

Я взял его за плечо.

— О, добрый вечер! Не подскажите, когда прибудет мой автобус? — резко спросил он, повернув голову.

— О нет, — прошептал я.

«Сбой».

— Тут не ходят автобусы, сэр, — сказал я с сожалением.

— Как не ходят? Я же сижу на остановке, вот расписание.

Он указал куда-то в воздух. Туда, где ничего не было. Ни остановки, ни расписания. Только серый асфальт и серое небо.

— Сэр, вам лучше идти домой. У вас есть близкие?

Я начал беспокоиться, что старшие его сейчас заметят и уведут в Сектор Межвременно Нестабильных.

— Я как раз собираюсь ехать домой. Вот жду свой автобус.

Я заметил, как впереди нас двое старших обратили на нас внимание. Они стояли у перекрёстка — красно-белые кожаные куртки, чёрные кожаные костюмы, огнеупорные шлемы, скрывающие лица. Один из них повернул голову в нашу сторону.

— Сэр. «Вам лучше уйти отсюда», —тревожно сказал я.

— Никуда я не пойду! — сказал он громче. — Я собираюсь сидеть тут и ждать своего автобуса!

— Но тут нет никакой остановки! Вы сейчас находитесь между двух времён!

Я попытался его вразумить, вернуть в реальность. Но старшие подходили уже ближе.

— Молодой человек, это у вас какие-то проблемы со временем!

Он начал выбивать своё плечо из-под моей руки. И на этом моменте старшие, если до этого они были слегка нерешительны, точно убедились, что что-то не так.

— Доброе утро! — спросил один из старших, подошедших к нам. — У вас здесь что-то не так?

В детстве, когда я не понимал, что они за люди, я хотел быть как они, когда вырасту. Чтобы носить такой же крутой прикид. Но я вырос и понял, как ошибался.

Я опустил глаза. Вот и тот момент, за который меня могут наказать повторно. «Неповиновение и сокрытие правды влечёт нарушение порядка».

— Этот сэр сидит на остановке и ждёт свой автобус, — как бы мне этого ни хотелось, признался я.

— Но тут нет остановки, — сказал второй старший, держа в руках автомат.

— Да, — кивнул я. — У него сбой во времени. — Еле сказал я.

Эту фразу обязательно нужно сказать, если старший подошёл к тебе, а ты встретил сбоя. Потому что сами старшие не могут её признавать, чтобы не было так, будто это они сами придумали и наврали про человека. Поэтому всю ответственность перекладывают на нас, обычных граждан.

Как только старшие услышали мои слова, началась показушная часть. Тот, что с автоматом, выстрелил в небо, так, что все люди замерли.

— Все разойтись на пять метров! Найден сбой! — крикнул он. — Кроме нас, этого мужчины и этого парня.

Я оглянулся вокруг. Все смотрели на нас.

— Этот мужчина будет направлен в СМН благодаря… — он запнулся. — Как тебя звать, парень?

— Флориан Мавели, — сказал я.

— Мавели? — переспросил старший.

— Ага, — кивнул я.

— Благодаря сыну гордости нашей страны Флориану Мавели.

Он вытащил наручники из-за спины и схватил мужчину, повалив его на землю.

— Что вы делаете? — закричал мужчина.

— Вы будете направлены в Сектор Межвременно Нестабильных! — повторил старший.

— Куда? Мне нужно домой. У меня сейчас будет автобус! — кричал мужчина.

Как же мне тяжело на это смотреть. Почему нельзя делать это как-то повежливее? Они же не преступники. Эти люди ни в чём не виноваты. Раз УВП дал сбой, то это проблема государства, а не нас.

Я присел рядом с мужчиной и, сам себе не веря, произнёс:

— Они вам помогут. Всё будет хорошо. Просто дайте им себя забрать.

Старший дёрнул мужчину за плечо. Тот попытался встать, но наручники не дали.

— Вставай давай! — скомандовал старший и сам поднял мужчину наверх.

Этот бедный сбой посмотрел мне в глаза и тихо произнёс:

— Я же просто ждал автобус…

— Я знаю, — сказал я.

Старший с автоматом подтолкнул его вперёд. Тот не хотел идти и просто повторял про автобус и остановку. Не выдержав этих повторений, один из старших врезал мужчине. Я резко отвернулся.

До чего же я никчёмный, что боюсь заступиться. Но я уже был в подобных ситуациях и каждый раз доставалось после этого маме, в разы больше, чем мне. Так что, зажав себе руки, я попытался сдержать себя на месте.

Тем временем они подняли мужчину и донесли его до перекрёстка, где стоял фургон. Фургон был без окон, с чёрными полосами по бокам. Я никогда не видел, как он приезжает сюда. Но он всегда был там, когда понадобится.

Затолкнув мужчину внутрь и хлопнув дверью, один из старших подошёл ко мне.

— Дай свой УВП. Нужно ввести тебя в базу за помощь старшим.

Я схватился за плечо, не желая, чтобы у меня была такая репутация.

— Не стоит. Я сделал это бескорыстно.

— Похвально. Но я всё равно должен.

— Сделайте у себя.

— Ладно, парень. Нет времени у нас. Так что давай по-хорошему или сейчас поедешь с ним.

Он указал на фургон. Вспомнив о мама, я подчинился и отпустил руку от упыря.

— На те.

Старший сделал свою процедуру, добавив меня в список — «Учёт отличившихся законопослушанием». Но все знали, как это называется на самом деле — «Список стукачей».

— Спасибо за помощь в порядке, — сказал старший и ушёл в фургон.

Толпа всё ещё стояла по бокам, смотря на меня. А я с опущенными руками чувствовал себя просто ничтожеством, которое только что разрушило чью-то жизнь.

Фургон закрылся. Старшие сели внутрь и уехали. Так, как будто ничего не случилось.

— «Помощь в соблюдении порядка зафиксирована. Ваше участие отмечено. Хорошего дня, Флориан Мавели».

— Хорошего, — сказал я.

И пошёл дальше к терапевту, но уже без настроения.

Опоздав на две минуты, я всё равно застал запертую дверь в кабинет мисс Джиорджины. Поэтому, сев на кресло в ожидании, я просто уставился в стену.

Я думал, что уже смирился с тем последним разом, когда я участвовал в поимке сбоя и его из-за меня застрелили на месте, потому что я выказывал сопротивление, чтобы его не забрали в СМН. Но я не думал, что в этот раз это всё равно так на меня повлияет.

Дверь кабинета скрипнула, и я резко поднялся с места, как будто меня поймали в чём-то незаконном. Хотя это не так уж и сложно, когда почти каждое твоё движение может расцениваться как нарушение закона.

Дверь полностью раскрылась, и я увидел её.

— Мадам Чорали? — удивился я.

— Ооо, Флориан. Рада тебя видеть.

Она выходила первая, но всё равно придерживала дверь для кого-то ещё. Я сразу понял, для кого, поэтому подбежал и помог.

— Спасибо тебе, Флориан.

Придержав дверь, я наконец увидел его.

— Уриэль, привет, — выдохнул я.

Мадам Чорали обратилась к своему сыну Уриэлю, моему лучшему другу, который не реагировал ни на что. Он не слышал. Не видел. Не говорил. Он просто стоял, смотрел в одну точку и иногда моргал.

— Сынок дорогой, смотри, кто тут.

Уриэль не повернулся. Не моргнул. Не сделал ничего.

— Как твои дела, Уриэль? — спросил я.

В надежде на что? На то, что он ответит? Все в городе знают, что Уриэль не разговаривает и ничего не понимает. Это началось два месяца назад: УВП Уриэля вышел из строя, и он полностью перенёсся в прошлое, где пробыл с месяц. Вернувшись, он не произнёс ни слова и напрочь всё забыл.

Как мы поняли, что он всё забыл? Просто иногда — по телевизору так говорили, и мама рассказывала — Уриэль приходил в себя. Но это бывало нечасто и недолго. Хотя сейчас не знаю. Мне давно ничего про него не рассказывали, как бы я ни старался узнать. Даже мадам Чорали игнорировала меня и не впускала в дом, когда я приходил навестить Уриэля.

— Он тебе не ответил, Флориан, — стыдливо произнесла мадам Чорали. — Хотя знаешь, он в последнее время чаще стал приходить в себя. Он даже начал запоминать наши с ним последние диалоги, и мы можем с ним болтать.

— Я очень рад.

— Он даже иногда спрашивает про тебя.

— Правда?

— Да.

Мадам Чорали резко замолчала. Она увидела выжженную букву, которую я тут же попытался скрыть рукой или воротником. Я не рассказывал о ней даже маме. Говорил, что это от кипятка. Мама делала вид, что верит. Может, она и правда верила. А может, просто не хотела знать.

Но мадам Чорали знала. Она видела такие ожоги раньше. У Уриэля. У других детей. У всех, кто был в Пицце.

Её взгляд сразу же изменился.

— Не стоило тебе тогда за него вступаться, Флориан, — сказала она тихо. — Оно того не стоило.

Я посмотрел на Уриэля.

— Ещё как стоило, — сказал я. — Вы не слышали, какие вещи они про него говорили.

— Слышала. Мне всё передали. Но ты не должен был на это вестись.

— Они называли его овощем, безмозглым червём! Разве вам как матери от этого не тяжело? Я сделал то, что сделал бы любой на моём месте. Заступился за лучшего друга и ни о чём не жалею.

— Тебе теперь приходится платить за это, — она указала на мою шею.

— Это не так страшно, как об этом говорят. Страшнее было бы, если бы я и дальше позволил им унижать Уриэля за его спиной и когда он… — я запнулся. — В таком состоянии.

— Не бойся. Ты можешь говорить про то, как он сейчас себя ведёт, — успокоила она меня.

— Хорошо.

Несмотря на то что Уриэль считался сбоем и по законам должен был быть в СМН, мадам Чорали благодаря своему положению в палате подписала заявление, в котором обязалась снять все обвинения в сторону государства и получить полное право следить за своим сыном самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.